

*Tis the last rose of summer,
Left blooming alone;
All her lovely companions
Are faded and gone;
No flower of her kindred...*

(Последняя роза беспечного лета
Цветет одиноко, одна она где-то;
Все розы в округе уснули, увяли,
Их листья ветра, непогоды умчали...

Томас Мур. Последняя роза лета
(Перевод Олега Роя)

ПРОЛОГ

Если бы здесь существовало эхо, то, закрыв глаза, можно было бы представить, что звучит целый оркестр. Но для строителей концертных залов звук — объект поклонения, почти преклонения, а эхо — злейший враг. И сейчас можно было разве что угадывать: квартет звучит или все-таки трио?

Двойные, тройные — стремительные, мощные...

Квартет? Да неужели?

Ты одна на этой сцене. Так написал Эрнст. Смешная фамилия. Как будто имя. Имя, которое знает каждый музыкант. Последняя роза лета. Только глупцы думают, что последняя роза лета — про увядание, про бегство, про смерть. Последняя роза лета — про жизнь. Про ее неудержимость, про взлет, про высокое, высокое небо, к которому надо подняться. Надо, потому что ты — живешь!

И невесомая тяжесть в твоих руках — живет. Дышит. Поет.

Олег РОЙ

Помнишь? Из какой-то деревяшки, из каких-то грубых жил, из какой-то там фантазии, которой он служил...

Ты здесь, чтобы заставить ее петь. Нет-нет, так не то что говорить, так даже думать нельзя. Не заставить — слиться с ней, подарить ей свои руки, свое дыхание, свою душу.

Ты рождена для этого.

А она, невесомая тяжесть в твоих руках, рождена, чтобы петь.

Струны кажутся раскаленными, но никто, никто не должен почувствовать, как тебе трудно. Нет, звуки рождаются под смычком сами, сами — и летят, летят все выше, и зовут — к жизни, к победе, к солнцу!

Тебе даже глаза открывать не нужно, чтобы почувствовать — щеки мокры от слез. Когда летишь вместе с музыкой, когда становишься ею — это такое невыносимо острое, почти невыносимое счастье, что оно превращается в спазм, в стон, в слезы.

Случайно ли рифмуются «слезы» и «роза»?

Последняя роза лета...

ГЛАВА I

— То... ся... — слабый хрип — с.. сти... — в голосе деда, едва слышном, больше похожем на шелест ветра в голых осенних кустах, чем на человеческий голос, слышался не столько вопрос, сколько упрямая, безнадежная надежда. Так ребенок, старательно трущий слипающиеся глаза, ждет Деда Мороза: может, в этот раз все-таки получится? И все-таки соскальзывает в сон. И найденный поутру под елкой (или под подушкой, неважно) подарок немного горчит: опять не сумел дожждаться и увидеть!

В горле запершило. Нет, какие там слезы, что вы, просто воздух тут слишком сухой. И свет неприятный, мертво-холодный, превращающий лицо на подушке в желтую пергаментную маску, безжалостно подчеркивающий и пигментные пятна, и темные выступающие вены на крупной руке поверх больничного одеяла. Руке, не гнушавшейся никакой работы. Такой надежной, всегда готовой подхватить. И на скользкой лесной тропинке, и в ледяной воде (они долго сушились в маленькой сторожке и никому не рассказали, что лодка перевернулась, нечего родителей волновать, незачем, у маленького Саши тогда даже насморка не случилось). И на продуваемой всеми ветрами (настоящими сибирскими!) смотровой

Олег РОЙ

площадке Братской ГЭС, где у Александра от огромности увиденного (дед усмеялся «это мы построили») закружилась голова, он вцепился в поручни так, что пальцы побелели, а дед накрыл его ручонку своей. И стало спокойно и не страшно. Его руки остались прежними. Вот только пигментные пятна да вены выступили.

И Александр накрыл эту тяжелую, усталую ладонь своей. В которой, пожалуй, ничего не осталось от той, маленькой, в цыпках и обгрызенных заусенцах. Вот заусенцы он по-прежнему грызет, Кира когда-то очень на него за это ругалась. Неприлично, дескать.

— Тося... — снова прошелестел бесплотный, почти незнакомый голос. — Найди... Я давно... Думал, забыл... — Даже недолгая попытка разговора деда сильно утомила, теперь он не только запинаясь, но и глаза прикрыл, словно сил не было держать потяжелевшие веки. — Бумаги на даче... Тетрадка... Тося... Найди ее...

— Найду, дед, ты только выздоравливай. Слушайся врачей, спи больше, тебе отдыхать нужно. Я все сделаю, не беспокойся.

Выздоровлявай! В собственном голосе Александр усылшал ту же безнадежную упрямую надежду. Деду не то что говорить, дышать было, кажется, тяжело.

Белая дверь приоткрылась. Белый халатик сидел на ладной фигурке, как в модном ателье пошитый, но яркие темные глаза из-под шапочки и тщательно прорисованных бровей глядели строго. И губы, четко очерченные неброского цвета помадой, поджались: мол, довольно сидеть.

Погладив еще раз безжизненную ладонь на одеяле, Александр вышел.

Прости

— Как он? — и сам понимал, что вопрос надо лечащему врачу задавать, а не этой хорошенькой вертихвостке, но спросил, все в той же безнадежной детской надежде.

Вертихвостка улыбнулась — совсем не ослепительно, а наоборот, устало и даже печально. И личико ее вдруг стало простым, человеческим.

— Мы делаем все, что можем. И Геннадий Ефимович — очень хороший врач... — она вдруг замолчала.

— Но?

— Простите?

— В вашей речи отчетливо прозвучало произнесенное «но», — расшифровал он свой вопрос. — Вы про возраст?

— Не только, — девушка вздохнула. — Сердце в плохом состоянии. Впрочем, действительно, возраст. Бывает и у девятилетних сердце лучше, чем у молодых, но это скорее исключение.

— А дед... Может, операция нужна? — Про операцию он Геннадия Ефимовича спрашивал. И он спрашивал, и отец, и девчонку эту нечего пытаться, ничего нового она не скажет. Никакие шунтирования и что там еще с сердцами делают, деду не помогут. Его сердце просто устало.

— Поддерживающая терапия...

— Да-да, — перебил Александр. — О терапии нам уже Геннадий Ефимович все рассказал. Просто... — он принялся шарить по карманам, казня себя за то, что, торопясь сюда, не стал искать банкомат, а теперь вот сколько там налички с собой? Крохи.

Олег РОЙ

— Вы что?! — В красивых глазах читался чуть не ужас. — Знаете, как за это наказывают? И выговор, и на факультет сообщат, и уволить...

— Вы учитесь? — зачем-то спросил он, вычленив из испуганного журчания «факультет».

— У нас многие учатся, — улыбнулась медсестричка уже спокойно.

Александр же вдруг заметил и красноту в ярко подведенных глазах, и то, как девчонка поводила плечами, как будто носила что-то тяжелое или долго стояла в неудобной позе. Вертихвостка? Вот так подумаешь стгоряча, а после стыдно, словно мысли твои подслушать могли. Или подсмотреть. В углу под потолком поблескивала камера наблюдения. А он деньги совать собрался. Надо будет как-нибудь потом что-нибудь, не коробку конфет, это глупо, но он придумает. И, может, не ей персонально, а просто, как это называется, в дежурку, для персонала, фруктов каких-нибудь, кофе хорошего. Просто по-человечески, из благодарности.

Эта больница совсем не похожа была на те, что показывали в сериалах. Здесь было чисто и... пусто. Никто не бегал по коридорам с дефибрилляторами и стопками бумаг наперевес, никто не кричал «синий код», все, кого Александр видел, выглядели... деловитыми. Некоторые — озабоченными, другие — задумчивыми. Усталыми. Не героями. Никто не рвался на подвиги, каждый просто... делал свое дело.

— Простите, что от работы отвлек.

— Ничего, я понимаю. Не беспокойтесь, я присмотрю за дедушкой вашим и по смене передам. Хотя у нас все и так...

Прости

— Спасибо, — он даже улыбнуться сумел.

Только закурить вдруг страшно захотелось. Бросил больше года назад, а сейчас вдруг захотелось этой горечи. Чтоб унять, заглушить другую горечь, внутри. «У нас все и так», — сказала медсестричка, а за словами слышалось «но мы не всеильны».

С темного неба сыпались, взблескивая в фонарном свете, мелкие колючие снежинки. Табачный дым (магазинчик нашелся буквально за углом у больницы) смешивался с паром от дыхания, не отличить. Только горький.

Значит, Тося. На миг стало обидно за бабушку. Ее хоронили пять лет назад, зацвела вишня, и похоронный автобус, черный, блестящий, очень чистый, но тем не менее неуловимо потусторонний, казался среди нежной зелени и цветов удивительно неправильным. Неуместным. Дед не плакал. Но он никогда не плакал, это было нормально.

Но сейчас... Не бабушку Таню он вспоминал под безжалостным светом больничных ламп, а какую-то неведомую Тосю. Просил то ли «отпусти», то ли «спасти». Лишь потом уже совершенно отчетливо прозвучало «найди». Это было... неправильно. Почти дико. И в то же время... Александр же не знает, что их связывало. И если эта неизвестная женщина придаст деду сил и желания жить — значит, надо хвататься за этот шанс. Зыбкий, конечно. История полувековой, если не больше, давности. Сейчас этой Тосе сколько? Семьдесят? Больше? Деду восемьдесят. Да и жива ли? Так, стоп. Будем надеяться, что жива. Нужно просто ее отыскать. Вопрос — как?

Браузер в смартфоне предложил немало вариантов: и телепередачу, и сайты отыскивающих военные захоро-

Олег РОЙ

нения волонтеров, и соцсети. А также сайты знакомств, частных детективов и прочие бесплатные службы.

Денег, равно как и свободного времени для самостоятельных поисков, имелось, мягко говоря, немного. Ладно, это примем как данность. Пропущенный день или даже два — не разорение. Уволят, другое место найдем, машина своя, так что ничего непоправимого не случится. Сейчас главное — дед. И для начала — план действий. Бизнес-план, мысленно усмехнулся он. Ну да, бывших бизнесменов не бывает, это не статус, а образ мышления.

Итак. Сперва — поиски на даче. Что там за бумаги, что за тетрадка. Параллельно — более подробный поиск в интернете, методы, способы, инструменты для этого самого «найти человека». Нет, это не параллельно, это после. Бумаги (или тетрадка) — это информация, от которой можно будет уже отталкиваться. Раньше — бессмысленно. Женщина, которую полвека (или даже больше) назад называли Тосей, — это вам не иголка в стоге сена. К стогу можно и магнит поднести, и в воду сено сбросить (иголка потонет), да хоть руками по соломинке перебрать. Это если есть стог, а в нем иголка. А тут в качестве стога — вся Земля. Могла неведомая Тося за полвека оказаться, например, в Бразилии? Не то чтобы с легкостью, но да, вполне. И никаких магнитов, ребята. Иголка от соломы отличается тем, что она железная. А тут — человек среди людей.

Ох, только бы жива еще была!

И, может, никакого урона памяти бабушки Тани в странной дедушкиной настойчивости нет. Может, Тося эта — его подруга детства, с которой они в деревенском пруду плескались. Или, к примеру, медсестра, которая его от обморожения на строительстве Братской

Прости

ГЭС спасала. Или однокурсница, у которой он конспекты переписывал. Хотя, конечно, вспоминать такие вот... контакты, когда ты стоишь на грани, — нет, вряд ли. Вот медсестра, которая вытащила из-под огня, — да, таких ищут. Но дед в Отечественную был немногим старше младенца, в других тоже не участвовал, так что героическая санитарка отпадает.

Пробки уже рассосались, и за мыслями Александр сам не заметил, как оказался на месте. Воистину, автоматизм иногда лучше соображалки, руки-ноги сами знают, как рулить, где газовать, а где наоборот. А ведь сезон-то, самый день жестянщика.

И калитка примерзла. Смазывал он ее петли в октябре, когда привозил маму за последними «дарами природы». Отец почему-то не мог, пришлось Александру извозчиком поработать. «Даров» с дачи (обычного деревенского дома, если приглядеться, в дальнем конце улицы пару огоньков разглядеть можно, деревня не все безлюдная) собиралось изрядно. Не картошка, конечно, ту проще купить, а вот перцы-вишни-помидоры и прочий чеснок — это да. Малину и калину мама замораживала (и при простуде хорошо, и так, для души, весело), из вишни делала вкуснейшую наливку, овощи закатывала в бесчисленные баночки. На каждой — аккуратная надпись: дата и что-нибудь из серии «Лечо, бабушкин рецепт» или «Баклажаны по-сицилийски, рецепт Гали». Александр никакой Гали (или, может, тети Гали?) не помнил, да и не вникал. Природу он признавал лишь в диком виде (дедова школа!), к садово-огородным же работам, от тюльпанов с пионами до тыков с баклажанами, относился более чем равнодушно. Маме нравится? Вот и ладно.

Олег РОЙ

Кира же и вовсе на передаваемые от свекрови банки с солениями-вареньями презрительно морщилась, предпочитая закупаться в «Азбуке вкуса» или хотя бы (это уж когда бизнес «поплыл») в «Ашане».

Может, и напрасно он сюда так редко наезжает? Ведь не только ж тут садово-огородные радости. Вот она, природа, вполне дикая. Ветер свищет, вьюга злится, волки воют, елки скрипят, а мы в домике, нас не достанут! Волков тут, положим, не водится, а вот дом хорош. Вполне крепкий, ниоткуда не поддувает, и печку когда-то мастер клал — вон как принялась. Ну и электричество, так что не вовсе дикость, а как раз компромисс между глушью и цивилизацией.

Сеть, правда, слабая, но есть: вон, кто-то дозвонился. Отец.

— Нет, пап, у деда пока все по-прежнему. Да я понимаю, что ты в курсе, но... Вы завтра к нему заедете? Нет, я завтра не смогу... — Отцовский голос был едва слышен, как будто не по телефону они говорили, а через поле перекрикивались, Александр отвечал почти по наитию, скорее на угаданные, чем на расслышанные слова. — Прости, тут связь плохая, я не в городе... Ну ты же знаешь, какая у меня сейчас работа... Маму там от меня поцелуй.

Рассказывать отцу про дедушкину просьбу он не стал. Отчасти впрямь из-за того, что слышимость была очень так себе, но больше из странной внутренней убежденности: Тося — это тайна. А чужие тайны грех раскрывать всем подряд. Может, потом и придется. А может, и нет.

Пар из носика старенького электрического чайника нарисовал на стекле туманное облачко, из которого понизу уже потянулись первые капельки. Александр задернул занавесочку, которую, как и остальные в этом доме,

Прости

шила еще бабушка Таня. И половички, которые она плела из старых пальто, льжных штанов и тому подобных тряпок. Неказистые, но ведь ходить-то тепло! Правда, и дом понемногу прогревается. Но занавесочки, половички, салфеточки на полках старого буфета, смешная тряпочная куколка на ручке навесного шкафчика... Новый кухонный гарнитур — это отлично, но разве можно старую мебель выбрасывать? Для дачи в самый раз. Ага, вон и жестянка, а в ней еще и чай остался, красота. Он бы и пустой кипяток попил, все веселее, но чай — совсем другой коленкор. Эх, на съезде к деревне надо было в тот магазинчик завернуть, еды хоть какой прихватить, но увы, не сообразил, да, может, магазинчик-то и закрыт был уже. Может, мама что из «даров» забыла?

Маминых закаток не нашлось, но в соседнем шкафчике обнаружилась ободранная, словно ее кошки терзали, пачка рафинада, точнее треть пачки. А за ней какой-то бесформенный кулек. Внутри жили пряники. Собственно, уже почти и не жили. Запах сохранился, но облитые бело-коричневой глазурью кругляшки больше походили на камни, чем на человеческую пищу. Привет археологам будущих времен! Только, знаете, товарищи, обойдетесь вы без этих пряников, они хоть и окаменелые, но с горячим чаем вполне съедобны.

От горячего и от теплой тяжести в животе тут же склонило в сон, но Александр, помотав головой и потеряв уши, двинулся в кладовку. За дощатой дверью пахло сыростью, нафталином и апельсиновыми корками, которые мама считала лучшим средством от моли. Казалось, запах клубится вокруг слабой лампочки, как освободившийся из разбитого кувшина джинн.

Подходящих кувшинов тут не имелось, только самовар, чуть ли не дореволюционный, лаково блестящий ра-

Олег РОЙ

диоприемник с желтым матерчатым репродуктором и, вовсе неожиданно, два колеса, судя по всему, от первых дедовых «Жигулей».

Здоровенный, тоже лаково блестящий шифоньер явил взору завалы тряпья: куртки, свитера, шапки, шарфы, сбоку торчали брезентовые штаны в белых пятнах, две полки покосились под тяжестью набитого в них шмотья. Почему мама все это не повыбрасывала? Намеревалась по бабушкиному примеру плести коврики? Как бы там ни было, вряд ли дед закопал неведомые «бумаги» в это барахло.

Взгроможденный на шкаф чемодан выглядел куда перспективнее. Старый, обтянутый дерматином, с поцарапанными, но блестящими металлическими уголками. Уже стаскивая чемодан вниз, Александр понял, что бумаг нет и в нем, слишком легкий. Но выпуклые колечки сдвинул, язычки замков звонко щелкнули, крышка откинулась как бы сама собой, словно содержимое стремилось выбраться наружу. Содержимого было много. Все маленькое, как будто кукольное. И пахло из чемодана вроде бы и не нафталином, а чем-то сладковатым и теплым. Детством, наверное. Мама хранила для будущих внуков? Но какие там внуки, когда Кира...

Так, стоп. Вот о Кире — не надо. Забудь.

Удивительно, но он ведь помнил большинство этих вещей. Вельветовый полукомбинезончик, синий мягкий костюмчик с улыбающейся львиной мордой на животе, шорты с корабликами на карманах, синяя футболка с пестрыми рыбами... Ванька — тогда ты еще не знал, что он Ванька — почему-то принялся из-за этих рыб дразниться, они даже подрались, пока воспитательница не развела их по разным углам. И подружились как-то незаметно.

Прости

И разошлись так же незаметно. Жизнь...

Цифры на экране смартфона сообщали, что уже почти полночь, но Александр, мотнув головой, словно отгоняя неуверенность, отыскал в памяти аппарата номер «Джонни» (это они в институтские времена так изгалялись: Санчо, Джонни и тому подобное) и быстро-быстро набрал сообщение: «Привет! Не хочешь ли как-нибудь пересечься?»

За те годы, что они не виделись (и даже не перезванивались, ох, Кира, Кира), Иван мог тысячу раз сменить телефонный номер, мог вообще уехать на другую сторону земного шарика. Да и спят многие люди в такое-то время.

Но ответ пришел почти сразу, словно и не было этих лет молчания: «Привет, пропащий. Заходи в гости, с сыном познакомя». Не задумываясь — еще не хватало в философию ударяться! — он быстро набрал: «Завтра и зайду, коль не шутишь».

Странный этот диалог через годы как будто отнял последние силы. В доме была еще одна кладовка, но — завтра. Поворошил угли — вроде нормально, можно уже — задвинул вьюшку, подумав, немного все же приоткрыл, лучше замерзнуть, чем угореть, навалил на себя два ватных одеяла и едва успел подумать, что накрывающий его сон такой же тяжелый, как эти одеяла...

ГЛАВА 2

Тучи лежали низко, как тяжелые ватные одеяла...

— И чего сидим? Книги будем принимать или принца ждем? — Валера картинно прислонился к дверному косяку. При тощей его комплекции и чрезмерной

Олег РОЙ

подвижности, практически вертлявости, смотрелась сия картинность смешно.

Но Олесе было не до смеха. Валера, едва появившись на этом маршруте, принялся ее охмурять, пользуясь классическим рецептом: заставьте девушку смеяться, и затащить ее в постель будет делом недолгого времени. Легко, решил Валера и принялся засыпать симпатичную библиотекаршу ворохом надерганных из интернета шуточек. В постель та почему-то не падала, даже в бар пойти отказывалась, и, обидевшись, как его, такого обаятельного, не ценят, Валера перешел к открытому хамству. Слова Олеся могла и мимо ушей пропустить, библиотека хоть и очаг культуры, посетители тут бывают всякие, привыкла. Хуже, что таскать коробки с книгами теперь приходилось самостоятельно. И напарница Ася, как назло, со вчерашнего дня в отпуске.

Распахнутая дверь была подперта деревянным чурбачком, и в библиотеку тянуло холодной сыростью. Ноябрь, самое темное, самое тоскливое время года. Ночью посыпал было снег, но сейчас он уже превратился в хлюпающую под ногами прохожих жадную жирную грязь.

От Валеры пахло бензином, какой-то сладковатой туалетной водой и вчерашним пивом. А может, и не пивом, кто знает, чем он после смены расслабляется.

— Примите и распишитесь, — ухмыляясь, он выгрузил несколько коробок прямо на крыльцо, выложив сверху накладную. — Готово? Ну прощайте, не стану докучать. Вы ж у нас барышня нежная, с простым шофером вам запахло беседы беседовать.

Дно нижней коробки на сыром крыльце моментально начало подмокать, еще немного, и внутрь доберет-

Прости

ся, надо быстрее все это втащить. Идти за помощью к «взрослым» тоже не хотелось, подколок не оберешься. У шумной Риты, отвечавшей за комплектование фондов обоих отделов, проблем с Валерой не было. Как-то у нее получалось: и к телу не допустить, и не оттолкнуть. В ее-то хранилище коробки доставлялись до самых полок. И если Валера и пытался обнять или по выпуклым частям похлопать, Рита умела как-то обратить все в шутку. И беспомощность Олеси ее веселила.

Сперва перетащить все коробки через порог и закрыть дверь. Даже запереть, с утра в детский отдел никто не явится, все в школах, а если вдруг — пусть через взрослых идут. Пусть библиотечные «апартаменты» и небольшие, не то что у «взрослых»: абонемент, хранилище и бывший читальный зал, ныне чаще всего используемый для мероприятий, но нельзя же таящиеся под невзрачным картоном сокровища без присмотра оставить!

Вот, не такая уж я и беспомощная. Присев на последнюю коробку, Олеся принялась массировать занывшую руку. Ничего, зато никому ничем не обязана, а впереди — самое приятное.

Распаковывать книжные коробки — это даже радостнее, чем новогодние подарки открывать. Во-первых, коробок больше, во-вторых, привозят их куда чаще, чем раз в год. И хотя книжные списки известны заранее, но разрезать упаковочную ленту и увидеть содержимое вживую — это чистый, незамутненный восторг, прямо как в детстве. Даже лучше, в ее детстве таких книжек не было. Вот таких, которые она оставляла «на сладкое»: с раскрывающимися окошками, с очками для просмотра трехмерных картинок, с выпрыгивающими из твердых страниц волшебными замками и диковинными живот-

Олег РОЙ

ными. Да, эти — для самых маленьких, но разве Олеся не имеет права на личные пристрастия?

И ничего, что весь день теперь придется бегать из абонеента в хранилище и обратно: и свежее поступление обработать надо, и читателей обслужить. Не так их и много, несмотря на все спускаемые сверху директивы, но надо стараться. И фонд обновлять, и расстановку на стеллажах. Хотя вот этот, у самого входа, менять жалко. Пусть его содержимое и так пользовалось спросом, не нуждаясь в дополнительной рекламе, но Олеся самой приятно было смотреть и на роскошное издание «Муми-троллей», и на «Волшебника Изумрудного города» с любимыми с детства иллюстрациями Владимирского, и на серию про маленьких веселых человечков-джингликов в их волшебной стране, где нет предательства и боли. Все яркое, пестрое, блестящее, только взглянешь — и само улыбается.

— Здрасьте, Олеся Игоревна! — Вадик старательно пошаркал ботинками по коврикам при входе: и по первому, резиновому, и по второму, мягкому, тряпочному, чтоб уж точно никакая грязь внутрь не проникала. Она, конечно, все равно проникала, но могло быть гораздо хуже.

— Здравствуй, Вадик, — ласково улыбнулась Олеся. Этот мальчик приходил часто, читал много, книг не задерживал, как было его не любить? — У меня для тебя сюрприз. Вот, гляди, специально отложила, сегодня привезли, и оформила в первую очередь, знала, что тебе понравится. Тут про доисторического мальчика, ты такое любишь.

Конечно, интерес Вадика к истории может еще двадцать раз пропасть, мальчишка-то всего в четвертом классе. Но история там или нет, главное — он читатель!

Прости

Пусть эта страсть сохранится, пусть не уступит компьютерным «стрелялкам», Олеся постарается. Интересно, почему он не бежит домой с новой книжкой? Убрал добычу в ранец и топчется у порога. Она ободряюще улыбнулась:

— Ты спросить что-то хотел?

И Вадик шагнул назад, ближе к ее стойке:

— Олеся Игоревна, я... знаете... я когда вырасту, я на вас обязательно женюсь. Вы только подождите, ни за кого больше пока замуж не выходите, ладно?

Это было так трогательно (и неожиданно, конечно), что Олеся растерялась, не зная, что отвечать. Но отвечать нужно.

— Замуж я в любом случае не собираюсь. Но знаешь, Вадим, тебе лучше обратить внимание на своих одноклассниц, они тебе гораздо больше подходят.

— Вот еще! — Он скривился. — Они дуры и книжки не любят, разве что про всяких принцесс и единорогов.

— В принцессах и единорогах нет ничего плохого, вам всего по десять лет.

— Да ну их! Лучше я на вас женюсь! — упрямо повторил он. — И мы будем вместе читать! А потом поедем и откроем какую-нибудь Трою. Как Шлиман.

— Чтобы вместе читать и даже открывать древние города, жениться вовсе не обязательно.

— Все равно. Вы только ни за кого больше замуж не ходите, ладно?

— Ладно. Давай мы с тобой об этом лет через десять поговорим. Беги домой.

Прелесть мальчишка! Вот глупость вроде, а улыбаться хочется. Жених! Надо будет Карине рассказать. Или не стоит? Опять кинется искать для Олеси кого-нибудь

Олег РОЙ

подходящего. А ей, вот честное слово, никого не надо. Вот если бы только работать поближе к дому. Но почему-то все появляющиеся вакансии приглашали только во взрослые отделы. Да и к этой она уже прикипела. И автобус отсюда прямой. И ходит часто.

Эсэмэска от Карины пришла, когда Олеся, удачно поймав автобус, уже устроилась на свободном месте у окна, за которым опять сыпалось что-то невнятное: то ли снег, то ли дождь, то ли оба сразу. «Ты где?» — как всегда, без приветствия, спрашивала подруга. «Домой еду», — напечатала Олеся. «Я к вам сегодня, покупать ничего не надо, все привезу». Что ж, тоже неплохо. И бабушка немного развеселится, все-таки скучно ей дома одной целый день. А Карина... вот уж рядом с кем скучно не бывает! Маленькая, тоненькая до прозрачности, она моментально заполняет собой все окружающее пространство, превращая его в... да, в ту самую волшебную страну, где все хорошо. Даже знакомый наизусть двор, даже выученная до последней щербинки подъездная лестница, даже маленькая их с бабушкой квартира — все рядом с Кариной начинало искриться и цвести.

И в дверь она стучит не просто так, а непременно каким-нибудь знакомым ритмом. Чаще всего, конечно, бетховенским «гласом судьбы». Та-та-та-таааммм!

— Привет-привет! Леська, ты что, меня ждала?

— Не успела переодеться, только зашла, — Олеся улыбнулась.

— Ой, точно, на улицах пипец что творится, везде пробки, а ты-то вообще на автобусе, жуть! Давно пора что-то поближе к дому найти... А может, и не надо, ты и так затворничаешь, — Карина сыпала восклицания, вопросы и предложения, не дожидаясь ответа. — А я с

Прости

Эдиком на Новый год во Вьетнам собираюсь. Как подумаю: тут холодрыга, а мы в теплом море и вместо елки пальма, круто же! Ой, а чего стоишь-то? Хватай пакеты, тащи на кухню!

— Да у нас голубцы есть...

— Иди лесом со своими голубцами! Тут надо что-то... Смотри! — Она покачала перед Олесиным носом длинной темной бутылкой. — Ты когда-нибудь пробовала гранатовое вино? Таисия Николаевна, а вы куда?

— Да пойду телевизор посмотрю, эти твои деликатесы в моем возрасте уже не полезны. Острое, копченое...

— Да ладно! Сыр еще есть, и пирожные совсем легкие, ничего не вредные! Изредка не только можно, но и нужно! Для настроения! А вино гранатовое, оно даже полезное. Хорошее, кстати, армянское. Не только для настроения, но и для здоровья.

— Вот разве что, — улыбнулась Таисия Николаевна. — Немножко, полрюмочки. И сыру мне на тарелочку положи, мне и хватит. И пойду я все-таки к себе, а вы тут уж сами пошутите, вам без меня свободнее будет.

Свободнее? Но, как ни странно, маленькая кухня, где едва помещались холодильник, несколько навесных шкафчиков, мойка, плита с серебристой вытяжкой и угловой диванчик с придвинутым к нему столом, в присутствии Карины не съеживалась, даже наоборот, словно расцветала. И вечный запах сушеных яблок становился сильнее, и старенькие бокалы на полочке поблескивали веселее, и даже чайник закипал быстрее.

— Чайник-то зачем? Сперва... — Карина плеснула в два бокала темно-красного, почти черного вина. — Вот, по глоточку — за нас, красивых, умных, талантливых!

Олег РОЙ

Возражать Олеся не стала. Хотя какая из нее красивая, умная и талантливая? Но из бокала пахло летом, солнцем и чем-то терпким. Обещающим.

— Погоди, — она поставила бокал на стол. — Какой еще Эдик? Ты ж по... как его... Ване умирала?

— Не по Ване, а по Дане, ну его в самую туманную даль! Предупреждали ведь меня! А, проехали! Эдик — совсем другое дело. Вот, гляди, что подарил, — Карина покрутила головой, так что сережки в аккуратных мочках блеснули остро и ярко.

— Новые?

— Говорю же, подарил. Бриллианты — лучшие друзья девушек. Серьезный такой, положительный. Папуля будет счастлив, он же спит и видит свести меня с хорошим армянским мальчиком. Мальчику, правда, сорок с хвостиком, но разве это возраст?

— Как-то я плохо тебя представляю рядом с серьезным и положительным. Тем более, армянская семья — дело такое. Ты вправду собираешься рожать детей и варить хаш? Или что там у вас положено варить?

— Ой, да не знаю я, что там у нас положено! Где я и где кухня? Да и когда мне? Все расписано... Ай, провремся! Все серьезно! Скоро мамуля Эдикова приезжает.

— Не боишься?

— Ну... Не знаю... если его мамуле я не понравлюсь... не знаю. Я же...

— Ты замечательная! — перебила Олеся. — Если мама твоего Эдика... да ладно, она ж еще не приехала, ты ж не знаешь, что и как она думает. Может, еще лучшими подругами станете. Кстати... ты Лешку-то давно видела?

— Месяца полтора назад. На одном перформансе пересекались. Да я ж тебе рассказывала!

Прости

— И как он?

— Будто не знаешь! Ах, Кариночка, ты не понимаешь, мы созданы друг для друга, зачем ты...

— Не жалеешь?

— Что замуж выходила — нет, что развелась — тоже нет. Все хорошо в свое время. Всё и все. Если Лешеньке хочется чувствовать себя султаном, то без меня. Даже в роли главной жены. Я могу быть только единственной. Эдик вон ни на кого кроме меня и глядеть не хочет.

— Уверена? — с долей скепсиса уточнила Олеся. На первом этапе Карина в каждом избраннике находила мешок достоинств, но вскоре обнаруживала, что достоинства лишь слегка посыпаны сверху этого самого мешка, а ниже — сплошные недостатки.

— На все сто! — решительно парировала Карина. — Сколько ж можно, а? И кстати. Ты сама-то сколько еще собираешься в раковине сидеть?

— Карин, мы с тобой сто раз про это говорили. Мне и так неплохо.

— Неплохо ей! А должно быть прекрасно! Счастье-то где, ау?

— Это семейное, ты же знаешь. И мама, и бабушка. Ну и я. Спокойно — и ладно.

— А почему Таисия Николаевна никогда про маму твою не вспоминает? Уехала, и все.

— Ей мамин муж, ну или не муж, не знаю даже, очень не нравился.

— Он ее бросил? В смысле маму твою?

— Если бы. Посадили его. А мама за ним кинулась.

— Как декабристки?

— Вроде того. Дескать, оговорили, не виноват он ни в чем. Я тоже плохо знаю, бабушка молчит, как партизан,

Олег РОЙ

а сама я и не помню, конечно, мне года полтора было. Потом открытки иногда приходили, бабушка их сразу жгла, нечего, говорит. Выбрала, значит, выбрала. Но уж лет десять как не было ничего.

— То есть она может завтра на вашем пороге появиться?

— Ох, вот уж чего не надо, того не надо.

Передернув плечами — вдруг стало холодно, хотя окна они с бабушкой на зиму уже заклеили — Олеся обхватила себя руками.

В раковине! Скорее уж в логове. Как раненый зверь. И конечно, она не собиралась прятаться всю жизнь. Мечтала. Вот проснется — а рука не болит. И днем не болит, и вечером. И завтра. И послезавтра. И тогда, тогда она расправит наконец плечи, как тот атлант из модной книжки (прочитать она, правда, не осилила, как-то очень нудно показалось), поднимет голову, шагнет... А потом, после, в просторном сияющем зале увидит его. И он Олесю увидит — и ахнет. Как в том фильме, где у Костюлевского еще приятель был, Ласло звали. Ахнет, а она... она мимо пройдет. Просто пройдет мимо. В ту жизнь, где его нет.

Карина, поклевывая то с одной, то с другой тарелки, на Олесю глядела почти требовательно:

— Слуш, ну про маму твою я все понимаю, а Таисия Николаевна... Что, если поискать этого ее, как его, Бориса? Сейчас же миллион возможностей. Вот бы им встретиться!

— Как его искать, если она не знает о нем почти ничего? Они совсем недолго встречались, а потом он вдруг исчез. И замуж она только через десять лет вышла, все ждала, а от него ни письма, ничего.

Прости

— Арестовали? Сталинская тирания и ужасы режима, как там говорят?

— Да ну тебя! — отмахнулась Олеся. — Не настолько бабушка старая. Это все уже при Хрущеве было, оттепель, какие еще ужасы режима? Я, может, искала бы, но зацепиться-то не за что.

— Она ведь до сих пор вспоминает, да?

— Не то слово. Вздохнет, задумается. Он, говорит, может, где-то по земле еще и ходит.

ГЛАВА 3

Где эта Тося, по какой земле ходит?

Проснулся Александр от того, что ему было жарко. В окно, над краем занавески, било неожиданное для ноября, но оттого еще более радостное солнце. Полоса его легла на старенькие обои, и они вдруг не то чтобы помолодели, но на тусклой серо-коричневой поверхности появились вдруг знакомые с детства узоры. Вот этот букет тогда казался рыцарем в диковинно крылатом старинном шлеме с плюмажем на макушке. Глаза рыцаря из-под надвинутого низко щитка смотрели пристально: всего две крошечные темные точки, неведомо что означающие в цветочном узоре, но это были именно глаза! Строгие, требовательные: ну что, повелитель, принимай командование. Другие завитки, подальше и поменьше, недвусмысленно сообщали: рыцарь не одинок, за ним целая армия. Ее нужно возглавить, чтобы победить врагов! Только позавтракать, иначе бабушка Таня никак не отпустит, да и от напеченных специально к его пробуждению румяных блинчиков (с деревенской сметаной, плотной, как масло, и каким-нибудь вареньем) — дура-

Олег РОЙ

ков нет отказываться. И — вперед, рубить самодельной алюминиевой саблей заросли крапивы и бурьяна!

Сейчас вместо душистых блинчиков его ждали остатки «археологических» пряников, а вместо бурьянных войск — залежи старья, среди которого требовалось отыскать неведомые бумаги. Или, наверное, главное — тетрадка? Не менее неведомая. Что, если тетрадок окажется много?

Кладовок в доме имелось две. Кроме обследованной вчера комнатухи с расхлябанным (хоть и блестящим) шифоньером был еще пристроенный к задней части дома сарай. Электричество туда тянуть не стали, и Александр пошире распахнул дощатую дверь, еще раз порадовавшись ясной погоде, теперь уже с практической точки зрения.

Слева от двери громоздился неказистый стеллаж, несший на своих полках «запасной» садово-огородный инвентарь (в большинстве своем ржавый, но вроде не совсем негодный), грязные жестянки (из одной торчали малярные кисти, совершенно закаменевшие) и мотки разномастных веревок, проволок и почему-то изоленды. Синей. Классической. Александру тут же вспомнилось шутовское правило: все, чего нельзя починить с помощью скотча, можно починить с помощью синей изоленды, чего нельзя починить синей изолентой, починить невозможно в принципе.

К неремонтопригодным объектам относились, надо полагать, две ржавые велосипедные рамы, торчавшие из свалки справа от двери, перекрученный остов детских санок с болтающейся на одной заклепке спинкой и тому подобный хлам. Внутри ошестинившейся металлическими огрызками кучи виднелось что-то коричневое. Картонное, судя по цвету.

Прости

Коробка. Небольшая, точно не от телевизора (даже тот древний «Рекорд», что жил на даче в его, Александровом, детстве, сюда не поместился бы), хотя полустертый стилизованный силуэт рюмки на одном из углов говорил о хрупком содержимом. Надписей на коробке не имелось, то ли их время съело, то ли их и не было. Может, там в самом деле когда-то была посуда? Сервис какой-нибудь?

Сейчас там были... да, именно бумаги, по-другому не скажешь. Сверху — россыпь старых советских поздравительных открыток. «Дорогие Боря и Таня! От всей души поздравляем вас с Новым годом! Желаем счастья, здоровья и успехов в личной жизни! Поцелуйте от нас маленького Витеньку!» На обороте открытки веселый моложавый Дед Мороз махал рукой, высунувшись по пояс из ракеты с надписью «СССР» на борту. Маленький Витенька, сообразил Александр, это ж его отец. И улыбнулся диковатым «успехам в личной жизни».

Следующая открытка пестрела не поблекшими за годы бело-розовыми яблоневыми цветами, цыплячье-желтыми тюльпанами и алыми знаменами. Картинку пересекали небрежно, словно кистью, выписанные слова «Мир! Труд! Май!». «Дорогой Боря, рад поздравить тебя с нашим праздником, праздником труда! Жму твою рабочую руку, руку настоящего строителя! Желаю железного здоровья, твоей неименной бодрости, высокого полета мысли и новых свершений! Светить всегда, светить везде! Светить — и никаких гвоздей!» — завершал свое послание цитатой Маяковского некий Коля К. Саше он почему-то представился невысоким вихрастым парнем в клетчатой ковбойке и смешной кепке, а главное — с сияющими ясными глазами, — оживший положительный персонаж из старых советских фильмов.

Олег РОЙ

И дедушка когда-то таким был. И с бабушкой Таней он познакомился где-то там, на одной из «великих строек». Может, и Тося — из тех же времен? Или раньше?

Он стремительно перебрал открытки, собирая их в аккуратную стопку. Подписи «Тося» не мелькнуло ни на одной.

Под открытками обнаружилась растрепанная пачка инструкций и гарантийных листков к давно почившей бытовой технике: тому самому телевизору «Рекорд», двум стиральным машинам, фену, электросоковыжималке и морозильной камере с диковинным именем, разобрав которое Александр искренне изумился — выходило, что листок относился к здоровенному белому «сундуку», до сих пор стоявшему в родительской квартире. «Сундук» все еще честно исполнял свою холодильную миссию, мама морозила в нем ягоды и фаршированные впрок перцы.

Следующая пачка (или, скорее, стопка) состояла наконец из тетрадей. Сверху, правда, лежал отцовский школьный дневник за первый класс. Ностальгия, в общем. Как и прочие тетрадки (одна даже в косую линейку, с бледно-розовыми линиями полей, заполненная кривоватыми палочками и кружочками), в основном из начальной школы. Кроме трех. Одна потоньше, в картонной, когда-то белой обложке, другая «общая», в сером коленкоре, третья, тоже «общая», вовсе без корочек, заполненная вырезанными из журналов и календарей «полезными советами» и рецептами. Под картонной обложкой обнаружили какие-то схемы и расчеты — не то конспект, не то обоснование рацпредложения (у деда были, Александр точно помнил).

По клетчатым страницам тетрадки в сером коленкоре вился убористый дедушкин почерк. Зачем-то перелистнув несколько, Александр прочитал:

Прости

«В тот день мы долго шли по бульвару. Там росли какие-то необыкновенные розы, красные, белые, желтые. Тося сказала, что они называются чайные, они пахли особенно сильно. И сладко, и горько, сейчас розы так не пахнут, пахнут целлофаном и вообще пластиком. Тося в своих новых модных туфельках устала и оперлась на мою руку. И мне хотелось, чтобы бульвар этот никогда, никогда не заканчивался».

Значит, не героическая санитарка на поле боя и не подруга детства в деревенском пруду. Все-таки любовь. Но сейчас почему-то не мелькнуло никакой обиды за бабушку Таню. Только что-то вроде восхищения. Дед-то, оказывается, тот еще романтик!

Тетрадку Александр убрал в прозрачный файл для документов, почему-то вспомнив вдруг, что эта штука называется не «файл», а «мультифора». По крайней мере, так утверждала Кира. Ну и пусть. Все говорят «файл», да и короче так. И еще — эта мысль заставила его улыбнуться — было бы более аутентичным завернуть тетрадку в старую газету. Правда, клетчатые страницы не выглядели древними, да и старых газет в обозримом пространстве не наблюдалось. Так сойдет. В еще один файл он сложил открытки и несколько конвертов из тех же времен, может, бабушке приятно будет вспомнить тех, кто когда-то им с бабушкой Таней писал. А на некоторых и адреса отправителей имелись — не помешает.

Уезжать было почему-то жаль. Он перекрыл воду, проверил еще раз печку, даже смазал замки и петли. Поскрипывание разошедшихся половиц казалось добродушным ворчанием пожилого родственника. От калитки Александр обернулся: окна взблескивали на солнце, дом словно бы улыбался: возвращайся!

Олег РОЙ

Дорога от деревни и дальше, через московскую путаницу, лежала вдали от обычных его маршрутов, но, может, именно поэтому удалось удачно перехватить три неплохих заказа. Александр уже предвкушал вечер в изучении серой тетрадки, когда телефон пиликнул сообщением: «Если не передумал, живу там же».

Знакомство с дедушкиной исповедью откладывалось.

«Живу там же» означало, что до Ванькиной квартиры — рукой подать, как они за последний год ни разу на улице не столкнулись? Домой Александр все-таки зашел. Переоделся, выложил свои находки, позвонил отцу (утешая себя тем, что отсутствие новостей в их ситуации — уже хорошая новость), купил в ближайшем цветочном ларьке недорогой, но симпатичный букет из мелких лиловых колокольчиков и чего-то пушисто-зеленого. Колокольчики продавщица назвала каким-то длинным, похожим на «каля-маля» словом, которое Александр тут же забыл. Зато «каля-маля» напомнило о Ванькином «с сыном познакомя», пришлось в супермаркете, кроме продуктового, заглянуть еще и в отдел игрушек. Коробка же с конструктором напомнила вдруг о мешке Деда Мороза, и он вернулся к продуктам, добавив к традиционному коньяку, нарезкам и коробке пирожных еще и мандарины. Толстенькие рыжие солнышки пахли Новым годом. Один мандарин Александр, оглядываясь, словно делал что-то неприличное, ободрал и запихнул в рот — скучавший возле кассы охранник глядел во все глаза, а потом вдруг подмигнул.

Стало весело и спокойно.

Ванькин подъезд по-прежнему пах кошками, только стены стали бледно-синими. Раньше были зеленые, и между этажами, сбоку от подоконника, красовалось на-

Прости

царапанное пивной пробкой «Сашка + Светка». Интересно, те царапины под новыми слоями краски еще заметны?

Однако проверять он не стал. Светка принадлежала прошлому, там и должна была оставаться. И неважно, какова она сегодня — толстая баба с выводком сопливых отпрысков или подтянутая бизнес-леди с идеальной прической — главное, что она была.

Из знакомого черного дерматина (надо же, Ванька за столько лет даже дверь не поменял, а впрочем, зачем?) тарачился глазок, когда-то напоминавший Александру перископ вражеской подводной лодки. Почему именно перископ и лодка именно вражеская? Бог весть.

Дверь распахнулась так быстро, словно Джонни поджидал в прихожей. За ощутимо округлившимся его плечом маячила пластмассовая улыбка Тани. Раньше Александр не задумывался, а сейчас совпадение имени с бабушкой показалось неприятным. Да еще и явственная, как в прежние времена, крупная надпись «отличница» на гладком лбу, под разложенной на ровненькие прядки светлой челочкой. Да и леший с ней, с Татьяной! Я к другу пришел!

— Заматерел, Джонни! — Александр по-медвежьи обхватил приятеля, похлопал по спине, пощупал демонстративно плечи, отпустил, как будто разглядывая, щелкнул по животу. — Брюшко-то, а? Жена хорошо кормит?

— Не жалуюсь, — улыбнулся тот. — А я ведь только о тебе вспоминал, а тут вдруг ты сам... Это ж мы с твоей свадьбы, получается, не виделись?

— Получается, так, — Александр улыбнулся через силу, вспоминать о свадьбе не хотелось.

— Как жена? Я и забыл даже... Кира, кажется?

Олег РОЙ

— Кира, — сухо подтвердил Александр. — Мы развелись, давно уже. Я теперь опять в той квартире живу.

Пластмассовая улыбка на Татьянинном лице на мгновение сменилась гримасой неодобрения, но тут же вернулась на место.

— Проходи. Вань, веди гостя в комнату.

Даже стол заранее накрыла, тоже без особого одобрения подумал Александр, пока Джонни плескал по пузатым бокалам принесенный коньяк.

— Ну, за встречу? — оживился он.

Но молчание, повисшее после первого «тоста», показалось Александру почти похоронным. Лучшие друзья? Он уже жалел о вчерашнем своем порыве, да и Иван, похоже, не знал, о чем говорить.

— А бизнес как? — лучший друг наливал следующую порцию. — Ты ж так резко на подъем пошел, все завидовали...

— Бизнес, как и Кира, — равнодушно сообщил Александр. — Давно с другим.

Бизнес... До сих пор вспоминать было тяжело. Он и не вспоминал. Старался, во всяком случае. Начиналось-то все... ах, как все начиналось! Собственный таксопарк! И ведь все, все получалось! Две машины, пять машин, десять, двадцать... Но резкий, вдохновляющий подъем (я могу! Абрамович со всеми своими яхтами идет курить в сторонке) сменился закономерным падением. Летишь ты такой вдохновенный, как на крыльях несет — и хрясь мордой об забор! Некрашенный, занозистый, жесткий. Весь в крови, в грязи. Сетевые такси живенько вытеснили с рынка конкурентов, от таксопарка, которым Александр так гордился, осталась одна-единственная машина, та, с которой он когда-то начинал. Спасибо еще,